

108
МИНУТ
И
ВСЯ
ЖИЗНЬ

ВАЛЕНТИНА ТАГАРИНА

Именно советский человек должен был первым подняться в космос и пройти в нем ускоренным шагом никем еще не走过的 пути-дороги...

Юра был настоящим русским парнем — честным и добросовестным, открытым и жизнерадостным, смелым и талантливым, дорожающим своим добрым именем и очень любящим людей.

С. П. Королев,
академик, Главный конструктор
космической техники

Нужно ли снова писать о Гагарине? Нужно ли мне писать о нем? Ведь столько книг о нем уже издано, столько напечатано статей, очерков, заметок... И мемуары и кинофильмы — документальные и художественные... Есть музеи, пластинки, есть собрания картин... Всемирная известность, всемирная слава. Можно ли что-то добавить к уже начертанному портрету, созданному образу этого человека, открывшего новую эпоху?

Нужно ли говорить о 12 апреля, повтория, быть может, уже давно известное?

Прошлое всегда близко, если с ним не порваны духовные связи. Эти связи помогают помнить, учиться, мечтать...

История первого полета человека в космос и личность первопроходца интересуют людей в наши дни, наверное, не меньше, чем сразу после свершившегося 12 апреля 1961 года. Многие в то время еще не опо-

минились от впечатления, неожиданного и удивительного, в чем-то даже сказочного, и не хотели утратить это ощущение сопричастности к фантастическому.

Теперь, почти два десятилетия спустя, наблюдается совсем другое. Опешоленность прошла, старты людей в космос становятся привычными, но живой интерес к событиям той самой первой весны, к космонавту-1, другим участникам этого великого события пробуждается не только у молодежи, но и у старшего поколения.

Как происходило все 12 апреля? Почему выбрали именно Гагарина? Что он за человек, тот, которому выпало великое счастье и великое испытание? Люди, думающие о настоящем и будущем, хотят все больше и больше знать о прошлом.

Поэтому я и решила взяться за перо, чтобы рассказать о том, что, возможно, дополнит образ человека, ставшего первым космонавтом планеты Земля.

Конечно, собираюсь рассказать о Юрии Гагарине, я испытываю особое волнение, особое чувство. Это и радость, и тревога, и сомнение... Радость потому, что это слова о моем друге и муже, об отце моих детей, о человеке, который всем нам (и мне и дочерям) безмерно дорог. А сомнение и тревога оттого, что все, что до сих пор написано о Гагарине, на мой взгляд (а его разделяют и близкие друзья Юрия), не выражает во всей полноте характер этого человека.

Не знаю, сумею ли я рассказать о нем так, чтобы молодые люди лучше поняли его, но попытаться хочу. Это зов долга, хотя, быть может, слово «долг» и покажется здесь несколько высокопарным.

Портрет на стене...

Я смотрю на его лицо, на чуть сощуренные, искривленные глаза. На улыбочные припухлые губы, на едва заметные морщинки у смеющихся глаз... В ответ тишина. А что бы он сказал сейчас, в свои почти сорок семь лет, в двадцатилетний юбилей своего старта?

Не знаю. Он мог сказать многое: и о работе, и о космических достижениях, и о товарищах, а если о себе, то, наверное, удивился бы: «Неужели уже сорок семь?! Старее».

Тихо в квартире. Очень тихо. Девчонки ушли в институт, захватив с собой утреннюю суету и смеху, торопливые разговоры о предстоящем дне. Я одна. Стою у окна, смотрю, что там, за стеклом. И ничего не вижу. Я чего-то жду. И хотя знаю, что он никогда больше не перешагнет нашего порога и не принесет с собой успокоения и задора, жду чуда. Вот сейчас раздастся звонок в двери. Дети побегут с криком «Папа!», и я услышу возню в коридоре и знакомый голос... Но проходит минута, другая, а вокруг тишина. Тягучая и печальная.

Тихо в квартире. Синяя неба и весенняя панель за окном. В проталинках зеленеют тонкие стебельки. Птицы хором пробуют голоса, пригравшись на теплом солнце. Сигналы машина, шумят дети, кто-то кого-то зовет, а у нас тишина.

Двадцатую космическую весну будут отмечать без него.

Взгляд медленно скользит по комнате и снова останавливается на его портрете...

Если бы кто-нибудь, пытаясь узнать, что люди думают сами о себе, о прожитых годах, распространил анкету, в которой был бы один-единственный вопрос: «Что в вашей жизни было самым главным, самым важным, самым значительным?» — то Юрий наверняка бы ответил, что самого главного, важного и значительного у него еще не было, что оно впереди. Иначе зачем тогда наступит завтра?

Жизнь — это долг, хотя бы она была мгновением, так сказал Гёте. Эти слова, прочитанные однажды, глубоко запали Юрию в сердце... Свое назначение он понимал так: быть человеком ответственно, быть первым ответственно вдвойне. Вот что основное в его натуре.

Не сразу он открылся таким. Не сразу таким стал. Но было в нем что-то такое, что крепло и росло с годами. Я не знаю, как точнее это назвать. Наверное, строгость. Строгость к себе. Строгость в большом и малом...

И еще. Доброта.

Откуда у Юры такой характер?

Откуда его внимание и любовь к людям? Любовь искренняя и бескорыстная... Откуда его стремление помочь человеку, разделить чужую беду, подставить свое плечо попавшему?

О характере Юры можно сказать словами его матери Анимы Тимофеевны. Кто мог знать его лучше, чем мать, которую он очень любил?

«Он был очень веселый, редко злился и не любил ссор, наоборот, шуткой и смехом всех мирил. И его все любили. Он общим ба-ловнем был. Да вы посмотрите на Юрины фотографии — лицо у него всюду счастли-вое. Этим он и приметен...»

И еще приметным в нем было с детских лет то, что он все сам старался делать, а поуканий не терпел. Потому я и поровила так построить, чтобы он своим умом дога-дался, за какое дело взялся. Бывало, забуде-шься, прикрикнешь: «А ну за уроки!» — и покалещь: не в охотку ему занятия из-под палки.

Не любил Юра принуждения, но роди-телям старался быть в помощь. У иных лю-дей слов о труде много хороших, а дети видят: говоришь сладко, а работаешь шатко... Из-под рук Алексея Ивановича (это отец Юры. — В. Г.) ни одной вещи, плохо сде-ланной, не вышло. Хоть дом, хоть сквореч-ня, хоть палочка-чижик. И Юрины игрушеч-ные самолетки тоже долго жили. Он с дет-ства все делал основательно и от задуман-ного — кол у него на голове теши! — не от-ступится».

Все это так. И все это служит ответом на вопросы, которые я задаю себе, да и не толь-ко я. Ответ на эти вопросы ищут и уже по-зрослевшие мои девочки — Лена и Гая, которые в чем-то своем, пусть малом, но хо-тят повторить отца.

У каждого времени есть особые приметы: свои события, свои игры, свои мальчишки. Мальчишки его детства ходили в рубашах с чужого плеча, ели мороженую картошку, писали вместо тетрадей на оберточной бума-ге, имели один учебник на полкласса и игра-ли в войну, хотя она была все время с ним рядом. Юра лишь краешком детства захва-тил войну, но успел понять и прочув-ствовать ужасы, которые она с собой нес-ет.

Снова и снова перебираю в памяти фак-ты из Юриного детства: рассказы его мате-ри, его учителей и товарищей, его самого.

Жили они очень трудно. Пришла война, совсем худо стало. Из дома вынуждены бы-ли перебраться в землянку, а дом их фа-шистские солдаты под постой забрали. Так что Юра с детства холод и голод узнал, обид натерпелся. По весне выползали мальчишки из землянки и давай первую траву цинять. Нарвали полные кулачки, приносит и про-сят: «Мама, сварил...»

Лихое было время. Несколькими старень-кими учебниками обходился целый класс, ребята писали кто на чем мог, порой исполь-зуя тетрадки, сшитые из газет. Зимой в шко-ле было до того холодно, что замерзали чер-нила в пузырьках, а заниматься приходи-лось в пальто. Сидели ученики не за парты, а за самодельными, сколоченными из длинных досок столами — по пять-шесть че-ловек за каждым. Чтобы выйти к доске, нужно было нырнуть под стол или протис-нуться за спинами товарищей. Но невзгоды не мешали познать новое и совершать увле-кательные путешествия в страну знаний.

Рассказывают, что Юра носил учебники в потертой полевой сумке. В школу он обыкновенно приходил в белой рубашке, подпоясанной широким солдатским ремнем с латунной пряжкой, на голове ладно сидела пилотка. Это был его парадный костюм. Юра его очень берег и, возвращаясь из школы, переодевался в простенькую ситцевую ру-башку, старые штанишки, снимал ботишки и до холодов бегал босиком.

Учился Юра хорошо, старательно. От дру-гих ребят его отличали необыкновенная жи-вность и любознательность. Он был очень не-поседлив, энергичен, всегда черным рвался к доске и все схватывал буквально на лету...

С годами то доброе, что он получил в семье, укреплялось, становилось нормой.

Отсутствие достатка не сделало его скупым, расчетливым. Другое дело, что, зная цену каждой копейке, он рос бережливым. И в то же время мог отдать товарищу последнее, будь то игрушка или кусок хлеба. Потому, наверное, и говорили о нем: «гагаринская доброта».

Его товарищ по ремесленному училищу, Тимофей Чугунов, возвращаясь к 1949 году, скажет:

— Юра мне нравился многим своими качествами: и сообразительностью, и начитанностью, и тем, что при всей своей мальчишеской непосредственности действительно всегда обдуманно, по-взрослому взвешивая все «за» и «против». После первой полочки, помню, наша неразлучная четверка устроила в сквере на лавочке, неподалеку от заводской проходной, скоронапительную операцию. На повестке дня: как истратить заработанные деньги? Идей было хоть отбавляй — самых разных, но в основном несерьезных или несбыточных: получили-то мы с гулькин нос — по триста рублей на старые деньги. Какие уж тут велосипеды, часы, широченные клеши — в 1949 году это было модно, — какие уж тут путешествия и «тулки» шестнадцатого калибра!.. Юра сначала фантазировал с нами на равных, а потом вдруг замолчал. Когда мы, так ни до чего не доспорившись, решили все же выслушать и его мнение, Юра твердо, как о чем-то обдуманном окончательном, сказал: «Вы, ребята, как хотите, а я половину денег оттоплю маме». Мы вернулись с неба на землю. Каждый вспомнил свою мать...

Я уже сказала, что в их семье не было достатка. Да и жизнь в первые послевоенные годы была нелегкой. Не только для них — для многих. Юра все это видел, чувствовал, понимал. Другой, быть может, смотрел бы на все невзгоды проще, не ища своей ответственности и вины в том, что семья

еле-еле сводила концы с концами. Юра так поступить не мог.

В 1949 году, когда ему исполнилось 15 лет, он решил оставить учебу в средней школе, чтобы быстрее начать помогать родителям. Цель была ясна: попустить работать на завод и потом уже продолжать учиться заочно. Ну а как он провел годы в Люберецком ремесленном училище, говорит его выпускная характеристика:

«...Гагарин Ю. А. в течение двух лет был отличником учебы, занесен на доску Почета училища. Дирекцией училища Гагарину Ю. А. была объявлена два раза благодарность за отличную учебу и за общественную работу. Кроме того, директором завода ему объявлена благодарность за хорошую работу в цехе... Гагарин был физоргом группы, добросовестно и точно выполнял все поручения комсомольской организации и администрации училища».

В техникуме он тоже оставил о себе память. И в аэроклубе Гагарина знали лучше других. Право на такое утверждение дают документы и воспоминания тех, кто был рядом с ним.

Как-то раз, прыгая с парашютом, неудачно приземлился один из курсантов. Среди тех, кто в числе первых прибежал на место приземления, был Юра. Он извлек на себя товарища и принес его в лагерь...

Парелек он был хозяйственный и аккуратный. Находился далеко от дома, сам стирал трусы, рубашки, платки, майки. Были-то у него всего одни выходные брюки да «шведка» красная с «молнией», но как он берег их, бывало, все вычистит, отутюжит — любу-дорого посмотреть.

К каждому полету по программе аэроклуба Юра относился очень серьезно. Он не делил упражнения на важные или неважные, простые и сложные. Всегда был собран и педантичен.

«Когда он начал работать в зоне, — вспоминал его инструктор, — я был поражен четкостью его действий. Можно было подумать, что машину ведет не выпускник аэроклуба, а профессиональный пилот. Захотелось проверить, не обманчивое ли это впечатление. После того как Гагарин завершил полетаж, я попросил его снова набрать высоту и повторить левый комплекс. В него входили: переворот, петля Нестерова и полупетля. Гагарин, как и первый раз, все выполнил отлично. Я понял, что это не случай помог курсанту, что Гагарин — человек больших способностей...»

Об этом периоде своей жизни Юра позже скажет:

— Приходилось работать в две тяги: днем занимались в техникуме, а вечером в аэродроме... Уставали смертельно и, едва добравшись до коек, засыпали моментально, без сновидений.

Память сохранила многое. И пусть годы затушевали и спутали детали минувшего, оно все равно живет, будит воспоминания, воссоздает прошлое. И тот вечер в авиационном училище, кружащиеся в танце пары, музыку и вдруг появившуюся группу курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом «в свет» после карантина.

Тогда мы встретились впервые. Он пригласил меня танцевать. Вел легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: «Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго?..»

Потом был другой танец, третий... В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода (выходить за проходную училища им тогда не разрешали) и, словно мы уже обо всем договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем на лыжах.

Я промолчала: на лыжах так на лыжах. Уже дома подумала: «А почему я должна идти с этим «лысым» на лыжах? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день...»

На лыжах мы не пошли. Не было самих лыж, не было и погоды. Пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но в отношении к нему наши взгляды разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения. К единству суждений так и не пришли. Спор перешел на другую тему и тоже как-то не получился. Потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча. Около нашего дома он так же, как и в тот первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдем...

Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил:

— Пойдем в гости.

— Это к кому же? — удивилась я. — К нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга.

Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что это одно из самых примечательных свойств его характера. Он легко и свободно сходил с людьми, быстро оспанивался в любой обстановке, и, какое бы общество ни собралось, он сразу же становился в нем своим, чувствовал себя как рыба в воде.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я полюбила его сразу, значит, сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, прически их делали более привлекательны-

ми, девочкам они нравились больше. Ну а мой кавалер? Мой «лысый»?

Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то станет на всю жизнь. Но когда поняла... Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглаживались друг к другу, прежде чем, объяснившись в любви, приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы.

Как он сказал о своей любви? Очень просто. Не искал красивых слов, не мудрил. Но такая безоглядность, такая окрыленность были в его объяснении и признании...

Мы стали встречаться чаще, думать о будущем.

— Любовь с первого взгляда — это прекрасно, — говорил Юра, — но еще прекраснее — любовь до последнего взгляда. А для такой любви мало одного сердечного влечения. Вали, — продолжал он, — давай действовать по пословице «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Я понимала, что такое его серьезное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотровой расчетливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалею ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумать?

Юра вообще больше думал о других, чем о себе. Это его душевное качество открылось мне еще задолго до того, как мы стали мужем и женой.

Среди наших семейных реликвий есть альбом для фотографий, который я подарила когда-то Юре. Многие журналисты цитировали слова, написанные на его обложке. Слова о том, что кузница своего счастья мы сами и что перед судьбою не надо склонять головы. Только почти никто не объяснил, почему появилась такая надпись.

А случилось так: в училище стали поговаривать о продлении срока учебы еще на

год. Юра ходил хмурый. Для него этот год значил очень много.

Родителям его жилось тяжело, они едва сводили концы с концами. Но чем им мог помочь Юра, получавший копеечное курсантское жалованье? Лучше бы, говорил он, после техникума вернуться к родителям в Гжатск, поступить там работать по специальности.

Юру утешали товарищи. Юру утешала и я. Мы убеждали его, что время учебы пролетит быстро, а там он станет офицером и тогда сможет помогать родителям. Убедили мы его с трудом. Вот так появилась надпись на альбоме, который я подарила ему в день его рождения, 9 марта 1957 года. Юра очень хотел стать летчиком, но ради близких ему людей он готов был пожертвовать даже любимым делом.

Таким он был в большом и малом. Ему предлагали после окончания училища остаться в Оренбурге, быть летчиком-инструктором, а он попросился на Север. Причуда? Нет. Он хотел стать настоящим летчиком, пройти через трудности, научиться летать в сложных погодных условиях. Север был самым подходящим местом для этого.

Решение правильное, логичное, но для Юры оно не было легким и простым. Ему очень хотелось, чтобы я поехала с ним, а это означало бы, что я не получу диплома фельдшера. Я уже решила для себя, что оставляю медицинское училище и поеду с ним, но он уговорил меня не делать этого.

Юра учился в Оренбурге, когда и слово «космос», и дежния на этом пути перестали восприниматься как нечто далекое, фантастическое. Когда запустили первый спутник, он восторженно сказал:

— Надо же! Вот штуку придумали...

Он считал витки спутника вокруг Земли, читал статьи в газетах и журналах, спорил

с товарищами о том, что же будет дальше. В училище космос стал предметом особых разговоров:

— Раз собачка полетела, то и человек скоро полетит.

— Скоро? Больно ты быстрый. Лет двадцать пройдет. Мы уж и летать перестанем, на пенсию уйдем...

— А при чем тут мы? Первыми полетят ученые.

— Ученые учеными, а управлять надо пилоту...

Говорили о врачах, что им лететь первыми, говорили о водолазах-подводниках. К единому выводу никогда не приходили. Споры становились еще жарче, а мальчишки выглядели такими фантазирующими знаатоками.

Юра тоже спорил, обосновывал свое мнение и даже рисовал космический корабль.

Мечтал ли он тогда о полете на таком корабле? Не знаю. Вслух об этом не говорил. Много позже он скажет: «Да, мечтал. Но тут же гнал эти мысли: ведь в стране найдутся многие тысячи людей, подготовленных к этому лучше, чем я. Стоило ли думать о том, что совершенно нереально для меня, курсанта...»

На Север он уехал один, а точнее, с товарищами по училищу. Так уж случилось, что расставались мы с ним в Москве, на Казанском вокзале. Мой поезд в Оренбург уходил чуть раньше, и Юра провожал меня.

— Не грусти, Валюша. Я буду очень ждать тебя. Скоро мы снова будем вместе...

А я волновалась: как там ему будет, в краю белых медведей, как устроится, как начнет летать?

Приехала я к нему после окончания своей учебы. Жить негде. Дом, в котором Юре обещали комнату, еще достраивался. Помогла одна знакомая учительница: она уезжала в отпуск и на это время предложила нам

свою комнату. В ней и поселились, радуясь, что свет не без добрых людей.

Мы ждали ребенка. Юре очень хотелось, чтобы родилась девочка. В отпуске мы даже поспорили, какое кушить приданое: розовое или голубое. Я хотела мальчишку и уже выбрала, как полагается для мальчика, голубое одеяльце, а Юра стал возражать: «Обождем, чтобы потом не мнить». Когда меня положили в родильный дом, он звонил туда по нескольку раз в день. Надел всем ужасно. Его узнавали по голосу, подшучивали над его нетерпением.

Однажды он позвонил очень поздно. Не успев задать свой «стандартный» вопрос, а ему говорят: «Ждете мальчика?» — «Нет, нет, — затормозил Юра, — девочку». — «Тогда поздравляем с исполнением желания: ты отец девочки весом семь с половиной фунтов». Юра стал благодарить. А через некоторое время снова звонок. «А что это такое, семь с половиной фунтов? — вопрос в телефонной трубке. — Много это или мало?» — «Достаточно!» — ответил ему.

Вскоре он появился в роддоме. Возбужденный, счастливый. Хотел прямо в палату прийти, посмотреть на меня и на дочку. Очень огорчился, когда его не пустили. Немного успокоился, узнав, что подарки его и записку мне передадут.

А как он нас встречал! Дома навел образцовый порядок. Все приготовил, все предусмотрел...

С трепетом и величайшей осторожностью купал Лепочку первый раз. Беспокоится: нормальная ли вода, теплые ли пеленки? Сам пеленал маленькое существо, носил на руках, укачивал, напевывая тут же придуманные колыбельные песни...

Никогда не забуду жизнь в запозарном, далеком гарнизоне. Военная служба отнимала у Юры очень много времени, но в тог-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66